Западногерманский писатель Кристиан Гейслер, издатель литературно-политического журнала «Кюрбискерн», известен советским читателям по роману «Запрос», его первому крупному произведению, и повести «Холодные времена». В этих книгах, как и в других произведениях писателя, например в телевизионной пьесе «Убойный скот», звучит тревога за состояние современного западногерманского общества, в котором автор видит много схожего с тем, что было во времена нацизма. Гейслер — один из немногих писателей ФРГ, которые последовательно сражаются в своих книгах за то, чтобы прошлое никогда не повторилось, чтобы идеи реванша были навсегда скомпрометированы в глазах их соотечественников.

Новая, недавно вышедшая книга Гейслера называется «Конец запроса». Здесь собраны произведения разных жанров: рассказ «Отпуск на Майорке», телевизионная пьеса «Противоречия», радиопьеса «Годовщина убийства», речи, произнесенные на митингах, посвященных борьбе за мир, телевизионный репортаж «Конец запроса», давший название сборнику.

Книга эта — снова на главную тему: Гейслер говорит об опасности, которую несут политическое равнодушие, нежелание и неумение делать выводы из минувшего. Книга Гейслера — предостережение, обращенное к западногерманскому обществу.

Мы предлагаем читателям отрывки из репортажа «Конец запроса».

Кристиан ГЕЙСЛЕР

КОНЕЦ ЗАПРОСА

christian geissler ????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????? ????
????? ENDE ?????
????? DER ANFRAGE ?????
????? ????
????? ????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????
????????????????????????????

ОТ АВТОРА

Моя первая книга называлась «Запрос». Когда я ее писал, я был удивлен тем, что у нас в Федеративной Республике из опыта с национал-социализмом не было сделано разумных, то есть политически действенных выводов. Сегодня я уже больше не удивляюсь этому.

Я считаю, что те недостатки, которые возникают в нашем обществе и укореняются в нем и которые имеют такое большое сходство с тем, что мы уже однажды пережили, являются следствием господствующих у нас политических, то есть экономических, условий.

На старых фундаментах нельзя строить новое здание. Это КОНЕЦ ЗАПРОСА.

И это не отчаяние, а исходный пункт для поисков ответа.

«У СС были школы убийц. Одна такая школа убийц находилась в замке Хартхайм под Линцем на Дунае. В 1940 году там сначала убивали слабоумных и инвалидов по программе «оздоровления нации». Позднее убийства там производились исключительно с целью подготовки закаленных эсэсовцев». Это известие в апреле 1964 года было передано по телетайпам крупных информационных агентств.

Журналист может поразному отнестись к такому сообщению. Можно подшить его к прочим документам и заняться более веселыми вещами. Изучение нацистских преступлений не очень популярно в нашей стране. Это понятно. Кому охота, чтобы его схватили за руку в тот момент когда он идет по уже пройденному пути глупости, страха, убийств, в то время как стоящие у власти, те самые, которые норовят схватить за руку, и сегодня не знают иных путей, кроме глупости, страха и убийств. Можно поступить и так: проверить сообщение на месте и потом обнародовать результат этой проверки, чтобы информировать общество.

Редактор одного журнала был именно за этот способ. Он хотел точно знать и точно сообщить, что же происходило в Хартхайме двадцать пять лет назад. Ибо Хартхайм двадцать пять лет назад был немецкой деревней, и то, что происходило там под сенью германской государственности, происходило от имени немцев и потому представляет интерес для каждого, кто хочет знать, что государство делает и чего не делает от его имени; Хартхайм представляет интерес для каждого нормального и внимательного человека в Германии. Так считал редактор. Посмотрим, подумал я, ничего не сказал и, получив задание, отправился в путь.

В день отъезда я взял в библиотеке документы о том, каковы были идеалы воспитания германских эсэсовцев. Необходимо знать идеалы, на которых воспитывают людей, — особенно если речь идет о «школах убийц»...

Потом я пошел купить билет. В бюро путешествий молодая девушка предупредила меня, что ехать поездом 22.00 не следует. Я удивился. Время отправления этого поезда было удобнее других.

— Поезд идет дальше, в Рим.

— И что же?

— Я бы не советовала. Этим поездом всегда едет масса всякого сброда. Иностранные рабочие и так далее.

Девушка выписала мне билет. Я смотрел на нее, думал об идеалах, на которых воспитывают молодежь. На какие же идеалы у нас ориентируются школы, по каким канонам дрессируют детей, если в голове молодой симпатичной девушки таится столько пренебрежения и презрения к людям?

Тех, кого эта милая девушка называет «сбродом», из года в год гонит с их родины голод, гонит, разумеется, при поддержке и с благословения духовенства.

Гонимые голодом? Да. Потому что страна, в которой родился этот «сброд», принадлежит очень немногим очень сытым людям. Разве нельзя было в обычной школе дать этой девушке более точные представления? Разве нельзя было на уроке в гамбургской школе сказать ей, кому в Италии принадлежит земля и кому — машины? Или господствующие у нас идеалы «повиновения», «порядка» и «чистоты» не допускают подобного реалистического преподавания?

Я выбрал поезд 22.00.

Соблюдая зафиксированные в билете классовые различия, я занял мягкое красное кресло в купе первого класса. В проходах перед купе второго класса на картонных чемоданах сидел «сброд», потные смеющиеся люди. Они ехали домой к своим женам и девушкам.

В моем купе никто не смеялся. Оба господина в купе были озабочены и строги, выглядели серьезно, говорили громко и четко. Я слушал их и читал об идеалах воспитания СС. И то, что я слышал, и то, что читал, как-то удивительно перекликалось...

«Интеллект портит характер мужчины. Поэтому прежде всего жесточайшая казарменная служба. Чтобы вы стали твердыми, как сталь, германскими мужами и не оказались слабыми перед лицом этих недочеловеков».

«Для меня военная служба была, конечно, не сахар. Но если я где-то обрел ясную голову и твердый характер для осуществления будущего руководства, то именно там...»

«Отбор новой правящей прослойки СС осуществляет позитивно — путем воспитания в национал-социалистских учебных заведениях и негативно — путем уничтожения всех неполноценных, то есть выродившихся элементов».

«Неполноценные — это очень слабо сказано. Подстрекатели, бунтовщики, похотливые, как обезьяны, появляются здесь откуда-то с юга, не знают даже самых примитивных правил приличия и порядочности».

Я посмотрел на говорящего и подумал с испугом, уж не прочел ли он тайком, сидя возле меня, несколько фраз в моей книге об СС.

«Большинство из вас знает, что это значит, когда сотня трупов лежит рядом, пятьсот трупов или тысяча. Выдержать все это и остаться порядочными — вот что нас закалило»*.

Господа встали, хотели выпить чего-нибудь. Я с любопытством присоединился к ним. Мы прошли через дальние вагоны второго класса. Нам не повезло, мы натолкнулись на ссорящихся людей и услышали, как молодой подвыпивший немец кричал группе итальянцев:

— Вас, свиней, надо было всех в газовые печи!

Парень явно не очень соображал, что говорит, его просто так воспитали, ему было лет двадцать, и он уже успел поносить униформу...

Оба господина были шокированы.

— И откуда только у нынешних молодых людей такая жестокость, — сказал один, и другой тоже не знал, что ответить, и оба заговорили что-то об американских фильмах.

Позднее, за стаканом тирольского сока, я попытался суммировать то, что я прочел, готовясь к Хартхайму, и то, что я услышал от господ самого что ни на есть первого класса в поезде, идущем в Хартхайм. Мне было не по себе. Эсэсовская мораль вчера, мораль господ первого класса сегодня — где же разница?..

Я ушел от своих спутников, сменил купе, хотел избавиться от комка, который стоял у меня в горле. Если уж в бюро путешествий и в пассажирских поездах в Федеративной Республике сталкиваешься с таким презрительным высокомерием, что же ждет меня в тени печально знаменитого Хартхаймского замка? После всего, что я теперь знал об идеалах, на которых воспитывали в СС, такие «школы убийц» для закалки «руководящей элиты» были действительно возможны...

Светило солнце, когда я прибыл в Хартхайм. Я увидел белый замок с красной крышей, красиво возвышающийся над крестьянскими домами и цветущими садами.

Хозяин деревенской гостиницы был удивлен гостю «из рейха». Он принес мне чашку кофе. Я узнал от него, что он всю жизнь прожил в деревне. Хорошо, вечером я его спрошу, что было тогда в Хартхайме...

На окраине деревни, в тени маленькой церквушки я увидел могильщика с лопатой и мотыгой возле только что выкопанной могилы.

— Вы были во время войны в Хартхайме? — спросил я.

— А что?

— Может быть, вы знали моего брата. Он был здесь в СС.

— В замок никого не пускали. Все было секретно.

— А что происходило в замке?

— Ненормальных сжигали, каждый день. Только я ничего не видел и не слышал.

— Сжигали? Много?

— Каждую неделю три автобуса. Но все было под секретом, понимаете?

— Вы знали эсэсовцев? Не помните случайно такого Гейслера?

— Это был ваш брат?

— Да.

Человек помедлил, посмотрел на меня и принялся снова копать могилу.

Все секретно. Ничего не видели. А уж тем более этих, из СС...

Я пошел дальше, осматривая могилы. На многих крестах я видел маленькие фотографии солдат, иногда две-три на одном кресте. «Геройской смертью», читал я, «погиб за Германию». Ни слова протеста...

Я подошел к замку. Вокруг валялся мусор, висели веревки с детским и женским бельем. Около полусгнившей ограды я натолкнулся на остаток могильного камня с французской надписью. «В память французов, которые пали жертвами нацистского варварства в Хартхайме, за Францию и свободу в мире».

— Что тут написано? — спросил я пожилого мужчину, потому что под французскими можно было разобрать полустертые немецкие слова.

— Не знаю, — ответил мужчина.

— Кто-нибудь зачеркнул немецкий текст?

— Да это еще давно было.

— А вы понимаете, что здесь написано по-французски?

— Нет, — ответил старик и пошел прочь...

Вечером за ужином я спросил хозяина гостиницы:

— А что, собственно, происходило в Хартхайме? Не знали ли вы человека по имени Гейслер?

— В войну я был здесь ортсгруппенляйтером. Все, что касается вашего брата, мы выясним.

Мне показалось, что с тех пор, как хозяин узнал о моем «брате-эсэсовце», его голос стал приветливее, теплее. Это была солидарность людей, которые называют день освобождения от нацизма «катастрофой»...

— Когда ваш брат был в замке?

— В сорок третьем.

— Значит, тогда, когда уже кончили с ненормальными. Тогда они уже жгли итальянцев, вообще иностранцев, коммунистов.

То, что хозяин сказал, звучало спокойно, как речь крестьянина, который говорит о дезинфекции в своей конюшне. Потом хозяин подал знак одному из посетителей. Тот взял свое пиво и подсел к нам — пекарь, который тогда пек хлеб для хартхаймовских эсэсовцев.

— Много ли приходилось печь каждый день? — спросил я.

— Каждый день на пятнадцать человек команды и для жены и детей шефа.

— А для заключенных?

— Да у них для хлеба времени не было.

— Откуда вы знаете?

— Очень просто, если муки каждый день отмеривают равное количество, а автобусы с заключенными приходят каждые два-три дня.

— А вы видели людей в автобусах?

— Окна заклеены были, только щелка. Но все равно было видно, что автобус полон. И потом вонь каждый день от печей...

И каждый день точно отмеренное количество хлеба, подумал я...

На следующий день я сел в такси, чтобы поехать в Линц и спросить, не сохранились ли в архиве документы о Хартхайме. Водитель такси был парень лет двадцати пяти. Тогда он был ребенком, но кое-что сохранилось в его памяти.

— Мы, мальчишки, бегали за автобусами и кричали: вот опять везут ненормальных сжигать...

— А кто-нибудь вам запрещал так громко кричать?

— Мне один эсэсовец как-то оплеуху дал. Но он при этом смеялся, знаете, как тогда все было...

— Но если никого не пускали в замок, как же люди знали, что там происходит?

— Например, по возам с пеплом. В первые годы они просто вывозили пепел в Дунай на открытых возах. И кое-что с них иногда падало — палец или кость. А учитель из соседней деревни, когда ему один мальчишка зуб принес, сказал, что по зубам можно определить, сколько лет было человеку.

— Учитель этот жив?

— Умер.

— А что он тогда еще говорил про зуб?

— Ну, конечно, чтобы мы ничего не поднимали.

— Почему?

— Может, заразы боялся. И еще, я думаю, потому, что все принадлежало СС: кости, и пепел, и зубы, все.

— И учителя тоже, — сказал я...

Сообщение о «школе убийц» в Хартхайме оказалось неточным в одном пункте. Смены эсэсовцев не происходило, значит, об обучении, о закалке говорить не приходится. «Закаливающе» этот замок с газовыми печами действовал на все окружение. Но с таким закаливанием мы уже давно свыклись. В остальном сообщение соответствовало действительности. Сначала уничтожение больных и слабых, потом уничтожение политических противников. Окрестное население все знало...

Ночью в поезде я пытался понять, почему меня уже ничто не удивляет в этих делах, и я пришел к следующему заключению.

Прежде всего там, где экономика, то есть производительные силы человека, черпает импульсы только из гангстерской морали, там, где людей с детства приучают считать, что право на стороне сильного, там, я полагаю, вполне логично, что притупляются все подлинно человеческие чувства и что — если снова вернуться к замку в Хартхайме — так называемые «слабые» в нашей стране всегда будут подвергаться опасности так или иначе быть уничтоженными... Не будем обманывать себя: тот, кто свыкся с Сименсом и Шпрингером, тому нет дела до человеческих страданий, тот по уши увяз в сложных механизмах ослепления, тот «в порядке», как «в порядке» жители Хартхайма — «в порядке» духовно искалеченной страны...

* Слова Гиммлера.